

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_3_17_159
EDN ZNOSAD

«Закат» усадебной культуры в повести Б. К. Зайцева «Анна»

Валерия Геннадьевна Андреева

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
г. Москва

lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. Внимание автора статьи направлено на аналитическое соотношение разных культур, культурных плоскостей, запечатленных в повести Б. К. Зайцева «Анна» (1929). Проблематика работы связана с необходимостью осмысления противоречия, оказавшегося между истинными взглядами писателя на дворянство и усадебную культуру прошлого и теми итогами и характеристиками, которые оказались воплощены в произведении. Автор статьи объясняет определенную обособленность повести, возникающую из-за нехарактерного для Зайцева воплощения дворянской жизни и культуры. Увлечение автора судьбой героини, самодвижение сюжета, желание писателя подчеркнуть положительные стороны большинства персонажей, принадлежащих к разным социальным классам, привели к тому, что в повести закат дорогой для Зайцева усадебной культуры оказался изображен не только как последствие разрушительных действий советской власти и эпохальной смены ценностей, но и как результат слабости и безволия русского дворянства. В работе отмечаются отдельные культурные артефакты, характерные для ушедшего усадебного прошлого, анализируются важные описания и детали интерьера и экстерьера усадеб, осмысливается значение единства географических топосов и наименований, представленных писателем в романе «Золотой узор» и повести «Анна». В статье рассматриваются образы центральных героев, девушки Анны и обожаемого ею отжившего помещика Аркадия Ивановича, а также сопоставляемые и противопоставляемые писателем семьи Гайлисов и дворян Немешаевых. Отмечаются смысловые оппозиции, связанные с утверждением и сохранением семейного духа, образа родового гнезда. Автор статьи считает, что Зайцев хотел развести непохожие миры, показать примитивность фермеров и закат дворянской культуры, надежду на ее воскресение в большом времени. Однако у писателя это не вполне получилось: разные миры оказались соотносимыми и объединяемыми.

Ключевые слова: Б. К. Зайцев; усадебная культура; дворянство; революция; авторский замысел; воплощение замысла; поместья; родовые гнезда

© Андреева В. Г., 2023

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Андреева В. Г. «Закат» усадебной культуры в повести Б. К. Зайцева «Анна» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 159-175. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_159. <https://elibrary.ru/ZNOSAD>.

Original article

“Decline” of estate culture in the story “Anna” by B. K. Zaitsev

Valeria G. Andreeva

Doctor of philology, associate professor, leading researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow
lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The author of the article focuses on the analytical correlation between different cultures and cultural aspects, depicted in B. K. Zaitsev's story “Anna” (1929). The problematics of the study is connected with the need to comprehend the contradiction between the writer's true views on the nobility and estate culture of the past as well as the results and characteristics that were embodied in the work. The article explains a certain detachment of the story, arising from the depiction of noble life and culture, which is uncharacteristic for Zaitsev. The writer's fascination with the heroine's fate, his desire to emphasize the positive aspects of most of the characters belonging to different social classes, led to the fact that the story depicts the decline of Zaitsev's favorite estate culture not only as a result of the Soviet regime's destructive actions and the epochal change of values, but also as a consequence of the weakness and helplessness of the Russian nobility. The study points out certain cultural artifacts characteristic of the bygone estate past, analyzes important descriptions and details of the interior and exterior of the estates, and considers the significant unity of geographical topoi and names that the writer uses in the novel “The Golden Pattern” and the story “Anna”. The article considers the images of the main characters, the girl Anna and the landowner Arkady Ivanovich who outlived his day, but who she adores, as well as the Gailis family and the noblemen Nemeshayevs, who the writer compares and contrasts. Semantic oppositions are noted referring to supporting and preserving the family spirit and the image of the family nest. The author of the article believes that Zaitsev wanted to separate the dissimilar worlds, to show the primitiveness of farmers and the decline of nobility culture with the hope for its resurrection in due time. However, the writer did not quite succeed: the different worlds turned out to be comparable and unifiable.

Key words: B. K. Zaitsev; estate culture; nobility; revolution; author's intention; embodiment of the idea; estates; family nests

This work was carried out at IWL RAS and funded by the grant from the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Andreeva V. G. “Decline” of estate culture in the story “Anna” by B. K. Zaitsev. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 3(17): 159-175. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_159. <https://elibrary.ru/ZNOSAD>.

Введение

Повесть «Анна» Б. К. Зайцева была впервые опубликована в парижском журнале «Современные записки» № 36 и № 37 за 1928 г. и № 38 за 1929 г. С одной стороны, это произведение писателя очень гармонично вписывается в контекст его эмигрантского творчества 1920-х гг. М. Л. Вилесова и М. А. Хатямова справедливо отмечают, что «Анна» входит в «смертные повести» Зайцева этого времени, сюжет каждой из которых завершается гибелью центрального героя («Странное путешествие», «Авдотья-смерть», «Анна»). «В них подводится своеобразный итог русскому этапу творчества, раскрываются причины невозможности существования героев (и самого автора) в изменившейся реальности», – подытоживают исследователи [Вилесова, 2016, с. 54]. С другой стороны, Т. Ф. Прокопов точно отмечает, что, читая «Анну», критики говорили об определенном повороте в литературном пути Зайцева, но сам писатель «отнес повесть к числу своих “некоторых недоразумений”»: “...Я не люблю эту вещь, не люблю просто. Она меня собственно, мало выражает. Она как-то забралась ко мне со стороны. В смысле внешнем, в смысле, так сказать, литературной техники или

мастерства, что ли, она довольно удачна, но несмотря на это, я ее не люблю”» [Прокопов, 1999b, с. 13–14]. Примечательно, что писатель подчеркивал некоторое идейное удаление повести от собственного внутреннего мира, но не отрекался от художественного уровня и изобразительной силы произведения. В обзоре творчества Зайцева, написанном к его 80-летию, авторы отметили, что повесть «Анна» является одним из самых ярких произведений Зайцева в отношении пластичности описания [Rzhevsky, 1961, p. 328] (*The novel “Anna” is “one of the clearest pieces of zaitsev’s work in regard to plasticity of description” [Rzhevsky, 1961, p. 328]*). Г. Адамович писал, что в повести «Анна» Зайцев «впервые дал образы людей, вросших в самую гущу бытия, и образы эти удивительно правдивы, удивительно закончены: латыш Матвей Мартыныч, например, или хотя бы земская докторша, добрая, честная, неглупая, с “гуманитарной” душой и портретом Михайловского на стене» [Адамович]. Критик далее недоумевал по поводу неясности образа главной героини, считая, что «здоровую, простую девушку, выросшую в глуши, обремененную хозяйственными заботами, Зайцев наделил чертами тончайшей, почти неврастениче-

ской духовности» [Адамович]. Считая повесть «Анна» большой удачей писателя, «шагом к жизни в ее плотском и физическом обличе», Адамович, тем не менее, не предположил, почему она автора отчасти не удовлетворяла.

Несмотря на то, что повесть «Анна» не раз становилась предметом изучения исследователей, вопрос ее специфики, подчеркнутый самим писателем, остается до конца не проясненным. Целью данной статьи является аналитическое объяснение определенной обособленности повести, возникшее, на наш взгляд, из-за несколько нехарактерного для Зайцева воплощения дворянской жизни и культуры, данного в произведении. Проблематика статьи связана с необходимостью осмысления противоречия, оказавшегося между истинными взглядами писателя на дворянство и усадебную культуру прошлого и теми итогами и характеристиками, которые оказались воплощены в повести. По нашему мнению, некоторое увлечение автора судьбой героини, самодвижение сюжета, желание писателя подчеркнуть положительные стороны большинства персонажей, принадлежащих к разным социальным классам, привели к тому, что в повести «Анна» закат дорогой для Зайцева усадебной культуры оказался изображен не только как последствие разрушительных действий советской власти и эпохальной смены ценностей, но

и как результат слабости и безволия русского дворянства.

А. М. Любомудров сообщает о том, что «в 1961 г. Зайцев прислал П. П. Ширмакову для передачи в РО ИРЛИ несколько писем к нему от разных корреспондентов, а также рукопись повести “Анна”» [Любомудров, 2001, с. 164]. Литературовед публикует некоторые письма Б. К. Зайцева, в том числе его письмо к П. П. Ширмакову, начинающееся словами: «Дорогой Павел Петрович, вчера Сионский зашел, я сплавил через него “Анну” для Пушкинского Дома...» [Любомудров, 2001, с. 186]. По нашему мнению, далеко не случаен тот факт, что Зайцев «сплавил» в Советский Союз лишь некоторые письма и не особенно дорогую для него повесть «Анна», которая, как он сам заметил, мало его выражает. Постараемся разобраться в том, что хотел сказать писатель, и в том, какой именно дворянская и усадебная культура ушедшего XIX в. и начала XX в. предстала в повести.

Дворянские усадьбы, родовые гнезда: прошлое и настоящее их хозяев

Прежде всего, перечислим и опишем бывшие и настоящие усадьбы, которые изображаются в произведении, их место и роль в движении сюжета. Повесть начинается с изображения хозяйства нового типа, устроенного на бывших помещичьих землях. Приехавший

из Латвии в Россию фермер Матвей Мартыныч покупает землю и дом, заводит хозяйство на свой лад. Но в художественном мире повести значимо, что дом и сад были построены еще до Матвея Мартыныча, он же возводил все хозяйственные постройки для свиней, которыми очень гордится. Несмотря на тот факт, что Матвей Мартыныч изображен писателем как неплохой хозяин, автор сразу же показывает нам меру, которой измеряет жизнь этот человек: «Русские ничего не понимают, тут даже и помещики плохонько свинок держат» [Зайцев, 1999, с. 347].

Зайцев показывает, что водворение на русской земле чужих людей, в данном случае латышей, абсолютно равнодушных к русской культуре, приводит к полной потере былого представления об усадебном бытии. О. В. Сямина анализирует концепт «родовое гнездо», понимая под ним «определенный локус», «уникальное локальное единство времени и пространства, которому свойственны внутренняя самодостаточность», «определенную духовную территорию, на которой разворачивается жизнь конкретного рода в ее исторической последовательности и преемственности» [Сямина, 2020, с. 31]. По мнению исследовательницы, концепт «родовое гнездо» «несет в себе идею живой памяти о предках, которая хранится и передается от поколения к поколению» [Сямина,

2020, с. 31]. Зайцев как раз и показывает, что с приездом Матвея Гайлиса исчезает веками хранимая родовая память этих мест. Не случайно местные мужики недовольны таким ходом дел: то, что Матвей Мартыныч называет усадьбой, не связывается в их представлении с дворянской усадебной жизнью: «Мой папаша был Мартын, и он меня немножко научил трудиться, и мой сынок Мартынчик, то я в честь Мартына и назвал усадьбу. Конечно, мартемьяновски мужики недовольные, мои соседи, потому что прежде это было господина Ушакова именице, и завсегда называлось Мартемьяновка. Но я десять лет здесь живу, и я могу свой дух заводить» [Зайцев, 1999, с. 349]. Под «духом» в данном случае понимается героем отнюдь не духовная жизнь, но свой уклад, утверждение линии собственного рода – то упрочнение семьи в окружающем мире, о котором мало думают изображенные Зайцевым дворяне.

Писатель неоднократно на протяжении всей повести показывает животное начало членов семьи Гайлисов – Мартына и его жены Марты. Существование ограничивается для них выращиванием свиней, хорошим и правильным ведением хозяйства, эта жизнь жестока и первобытна, лишена человеческого тепла и чуткости: «С великим благодушием резал он собственноручно тех же самых боровов, за ве-

сом и здоровьем которых следил при жизни их с такой любовью. Он и резал их с любовью. Они жили для его, Матвея Мартыныча, целей, он на них трудился, пропахивал для них картофель, косил овес, просо, ездил вдаль за жмыхами – он же распоряжался и их жизнью» [Зайцев, 1999, с. 362]. Писатель мастерски передает животное начало в своих героях с помощью различных деталей: вот мы видим Марту, которая в первое свое появление на страницах повести предстает режущей на столе печенку гуся: «Мускулистая ее рука была запачкана кровью» [Зайцев, 1999, с. 348]. Писатель отмечает и впечатление Анны о Марте: «Марта была чиста телом, Анне же казалось, что от нее пахнет мясом» [Зайцев, 1999, с. 364]. А Матвея Мартыныча, влюбленного в Анну, последняя называет медвежатиной: «Руки целуешь, грудь целуешь... ах ты, медвежатиная. От тебя тепло, ты хороший пес, шерстистый» [Зайцев, 1999, с. 401]. В начале повести и в конце ее, после смерти Аркадия Ивановича, Матвей Мартынович остается единственным близким Анне человеком, писатель пронизательно показывает, как, отталкивая его, героиня нуждается в тепле и понимании.

Значимо, что писатель не сразу представляет нам всю Мартыновку – есть там небольшая часть земли, хранящая память о прошлых временах: «Хоть и сюда доноси-

лось хрюканье свиней, все же старый яблоневый сад, времен далеко до-мартыновских, носил облик милых русских садов – некоего скромного рая» [Зайцев, 1999, с. 367]. Это упоминание об ушедшем рае в художественном мире повести очень важно, однако оно слишком незаметно и мимолетно, теряется в совокупности всех других описаний усадебной жизни и не становится (как это, вероятно, было необходимо автору) одним из ключевых.

Насколько можно предположить, Зайцев планировал в повести пропеть осанну русской усадебной жизни, показать последние дворянские семьи, теряющие насиженные гнезда, не по своей воле принимающие изменяющуюся жизнь, дать пример честной и искренней героини, тянущейся к образованным и широким душою людям. Однако художественное воплощение оказалось несколько иным.

Писатель очень скрупулезно и образно представил большевиков, захватнические силы, инициативу разрушения прежнего дворянского благоденствия. Помимо образов гостей-революционеров, появляющихся в первой главе, Зайцев создает фигуру безжалостного Трушки, с которым ассоциируется весь беспредел новой власти. Не случайно Зайцев все-таки гордился построением повести: в представлении читателя сразу возникает параллель между фермером-

«мясником» Гайлисом и режущими, убивающими людей представителями новой советской власти. Читатель хорошо ощущает, что отношение Матвея Мартыныча к своим свиньям лучше, нежели отношение революционеров к людям: «На Ефремовском хуторке на днях одинокому помещицу просто зарезали... вот как вы ваших... питомцев режете, Матвей Мартыныч» [Зайцев, 1999, с. 366]. Писатель в данном случае не уходит от истины, обвиняя в погромах и уничтожении усадеб не крестьян, а именно новую власть. Л. В. Рассказова констатирует, что во многих случаях гибель библиотек и других культурных ценностей была на совести представителей советской власти, а не крестьян: «Именно в процессе планомерной “законной” ликвидации имений, проводимой новой властью с весны 1918 г., и была уничтожена значительная часть культурного наследия, до того собранная и сохранявшаяся крестьянами во многих усадьбах» [Рассказова, 2010, с. 48].

Не случайно рассматриваемая нами повесть носит имя героини – Анна оказывается самой деятельной и отважной в изображаемое время перемен, личных, семейной и государственной катастроф. Необходимо признать, что вся мягкость и женственность героини, ее внутренняя теплота спрятаны за напористостью, решительностью, готовностью к самоотдаче и за тяже-

лым физическим трудом. Вряд ли можно согласиться с Г. Адамовичем, нашедшим в Анне следы неврастенической духовности. На самом деле, эта героиня просто колоритно выделяется на фоне отсутствующих в повести мужчин. О. А. Богданова пишет, что «...в усадьбах Золотого и Серебряного века встречались крупные самобытные характеры, с метафизическим чутьем и онтологическим размахом, несмотря на нередко рутинный образ жизни... Этот аспект “усадебной культуры” впервые выдвинулся на заметное место и был положительно оценен именно в Серебряном веке в связи с разрушением традиционного общества в России, маргинализацией большей части народа, эскалацией массы и умалением индивидуальности как главного субъекта истории в Новейшее время» [Богданова 2020, с. 265–266]. Необходимо признать, что в повести «Анна» мужских самобытных характеров, ярких личностей нет. Желая воспеть усадебное бытие, создать правдивые истории разорения дворян, Зайцев параллельно реализовывал в повести и историю дворянского оскудения, связанную с безволием и постоянными излишествами, неумением выстраивать жизнь.

В данном представлении дворянства Зайцев идет вслед за писателями еще XIX в. – С. Н. Атавой (Терпигоревым) [Андреева, 2013], А. И. Эртелем [Андреева, 2020]. К примеру, герой романа

А. И. Эртеля «Смена» (1894) честен и благороден, но при этом максимально пассивен: «Мансуров не готов увезти свою любимую женщину от ненавистного ей мужа, Мансуров абсолютно не способен к какой-либо деятельности. Герой живет лишь воспоминаниями, а центр их – картинка старой усадебной жизни» [Андреева, 2020, с. 116]. Точно такой же фигурой – слабой, больной и безвольной – оказывается Аркадий Иванович в повести «Анна».

Две главы в повести имеют названия, аналогичные наименованиям усадеб – «Серебряное», «Машистово». Эти названия читатель Зайцева помнит по его роману «Золотой узор»: «Село Серебряное по бокам речки Беспуты, на нагорном церковью александровских времен, огромный дом помещичий и парк...» [Зайцев, 1999, с. 134]. В повести «Анна», как и в «Золотом узоре», на первый план также выходит мотив близкой *гибели усадьбы*, предстающей перед героиней в настоящем дне все еще во всем великолепии и масштабе: «Над купою парка вздымалась колокольня Серебряного – перерезала зарю. Анна проехала мимо кладбища, мимо канавы старинного парка с голыми липами... и остановилась под елочками у большого белого дома» [Зайцев, 1999, с. 355–356]. Анна входит в дом через черный вход, так как стеклянное парадное крыльцо заперто, проходит через

кухню, переднюю и попадает в комнату Марьи Гавриловны, «наспех теперь обращенную в столовую» [Зайцев, 1999, с. 356]. Мы видим самовар, начинающие запотевать окна, но автор сразу же делает оговорку, показывая величие и особенность усадьбы: «Однако в два большие, выходящие в сад, с далеким видом за реку, глядело умиравшее холодно-серебряное небо сквозь голубые ели у балкона – ели редкостные, калифорнийские» [Зайцев, 1999, с. 356]. Писателю очень дорого это ушедшее прошлое, он стремится при любой удобной возможности подчеркнуть его редкость, уникальность. Но описания экстерьеров и интерьеров усадьбы в повести немногочисленны, главное впечатление о состоянии усадебной культуры у читателей складывается благодаря героям-дворянам.

Собственно, семья Марьи Гавриловны Немешаевой была изображена и в «Золотом узоре»: читатель уже там видел эту кареглазую даму с проседью лет сорока пяти, которая очень спокойно и равнодушно относилась к происходящему, видел ее дочерей-хохотушек.

М. Л. Вилесова и М. А. Хатымова считают, что использование Зайцевым уже знакомых топонимов, географических мест выступает как прием, который «призван отразить силу противоречий прошлого и настоящего: исследовательский фокус перемещается на

другой социальный слой – герои-интеллигенты уступают место фермерам и крестьянам, позволяя представить трагедию революции не только с позиции близкого и понятного автору круга (как в «Золотом узоре»), но и с точки зрения человека из народа, лишенного возможности бежать из страны» [Вилесова, 2016, с. 55]. По нашему мнению, это не совсем так – в «Анне» Зайцев иллюстрирует не только безжалостность революционеров, но и *слабость дворянства*.

Еще раз оговоримся о том, что писателю, по всей видимости, было несколько не по душе получившееся в итоговом тексте повести «Анна» представление о дворянстве в целом: вероятнее всего, Зайцев хотел показать разных дворян, однако так дорогие его сердцу Немешаевы тоже оказались изображенными в несколько невыгодном свете.

Отметим, что в образе семьи Немешаевых можно найти некоторые автобиографические черты, увидеть отдельные ситуации, характерные для семьи Зайцевых. И. В. Пантелеев отмечает, что «приход к власти большевиков поразному отразился на судьбе Зайцевых. Волостное собрание постановило Зайцевых и их соседей Муромцевых из имения не гнать» [Пантелеев, 2022, с. 100]. Точно так же в романе «Золотой узор» и в повести «Анна» большевики на некоторое время оставляют Немешаевых в их большом доме, пока,

наконец, их не переселяют в Красный домик – бывший усадебный флигель.

Несмотря на то, что Марья Гавриловна, Леночка и Муся описываются и характеризуются в романе и повести очень схоже, восприятие читателями этой семьи в обоих произведениях разное. В романе «Золотой узор» Немешаевы (на фоне Натальи Николаевны и ее близких) выглядят аристократами, спокойно и рассудительно принимающими веления судьбы, в вот в повести «Анна» и семья, и гости выглядят иначе – уже не гордо, а жалостливо, и эта перемена отношения происходит во многом из-за впечатления, производимого Аркадием Ивановичем.

В «Золотом узоре» писатель не показывает нам истории Серебряного, несмотря на происходящие изменения, у читателя есть ощущение правильности и *глубокой укоренённости усадебной жизни*, а в повести «Анна» появляется мотив случайного обогащения, *случайного наследования усадьбы*. Зайцев в повести «Анна» не скрывает промахов человеческой и хозяйственной незрелости дворян-мужчин. Сначала мы узнаем о покойном Александре Андреевиче, бывшем владельце усадьбы, которая «свалилась ему с неба»: «Не он строил этот дом, не он разводил парк и сажал под балконом голубые ели» [Зайцев, 1999, с. 357]. Писатель упоминает о неумении Александра

Андреевича организовать жизнь в имении: он пользуется всем полученным, но при этом ничего не хранит, исключительно раздает. Н. М. Селиверстова очень точно отметила, что после реформ 1860-х гг. многие русские усадьбы были в состоянии упадка, так как помещики просто не могли приспособиться к вольнонаемному труду, организовать хозяйство в новых социально-экономических условиях, что приводило, конечно, к падению высокой культуры части дореформенных усадеб [Селиверстова, 2015, с. 174].

Именно к такому типу неспособного помещика относится в повести покойный Александр Андреевич, подобные же характеристики применимы и к Аркадию Ивановичу, в которого глубоко и страстно влюбляется главная героиня повести. В отживающем и больном барине Анна находит внутреннее тепло, ту широту души и ласку, которой лишены окружающие ее необразованные люди. По всей видимости, Зайцев прежде всего стремился показать не столько чуждость Анны тому миру, в котором она выросла, сколько ее интерес к дворянской культуре. «Я тебя за то и люблю, что ты барин... настоящий», – признается она Аркадию [Зайцев, 1999, с. 381].

Так, к примеру, для Матвея Мартыныча врученные ему на сохранение шубы являются чужим добром, оставшимся материальным

элементом барской жизни, для Анны эти шубы – своеобразный артефакт, физическое подтверждение того, что была иная среда, уходящая, к которой она не успела приспособиться. Вместе с тем в эпизоде разбора шуб, в своем внутреннем монологе, Анна сближает фигуры Александра Андреевича и Аркадия Ивановича: «Анна накинула на себя шубу. Как она легка, изящна! Мех мягко ласкал щеку. “Такая же, наверно, была и у Аркаши. И они вместе в Москву ездили. Александр Андреевич тоже любил цыган”. Анна на мгновение закрыла глаза. Точно знакомое и милое объятие из иной жизни обняло ее» [Зайцев, 1999, с. 400]. Благодаря этой сцене мы еще раз убеждаемся в пассивности всех героев-дворян в повести. Анна, обижаясь на Аркадия Ивановича, не пропускающего равнодушно ни одной миловидной женщины, внутренне прощает его и оправдывает, противопоставляя в уме молодого барина современной ей молодежи.

Г. П. Струве в своей работе о творчестве Б. К. Зайцева охарактеризовал Аркадия Ивановича как «бывшего помещика, типичного беззаботного барина, ловеласа, разоренного революцией экономически и физически, доведенного до смерти последствиями пьянства и разгула» [Struve, 1939, p. 448] (*Anna, however, is in love with Arkady Ivanych, a former landowner, a typical carefree barin, a ladies'*

man, who is ruined economically by the Revolution and physically, to the point of dying, by the effects of drinking and a fast life [Struve, 1939, p. 448]). Символично, что такую характеристику герою дает русский поэт, литературный критик и исследователь, сын П. Б. Струве, бывший в добровольческой армии и в 1919 г. вместе с отцом навсегда уехавший из России.

Культурную, хозяйственную, человеческую сущность героя лучше всего выражает его усадебка, стоящая на отлете. Описывая ее, Зайцев развеивает иллюзии о возможной будущей жизни Аркадия и людей, подобных ему. Описание дома, природы – фруктового сада и еще нестарых берез – как будто дают некоторую надежду: «Фруктовый сад выдвигался прямо в поле, обсажен был нестарыми березами. Этот прямоугольник берез на бугре виднелся издали, точно легкий, стройный авангард некоторых главных сил» [Зайцев, 1999, с. 378]. М. В. Скороходов пишет, что элементы внеусадебного пространства у Зайцева нередко выступают «стражами усадьбы, самим своим существованием обеспечивая ее жизнь» [Скороходов, 2020а, с. 53]. Однако автор категоричен в подведении итога жизни Аркадия. Оказывается, что сил уже нет: «Главных же сил и вообще не было» [Зайцев, 1999, с. 378], что жизнь превращается в существование:

«...он все-таки существовал» [Зайцев, 1999, с. 378].

Зайцев дает читателю понять, что важные культурные особенности усадебной жизни дворян исчезли не разом после революции, но еще задолго до нее были изнутри подточены самими же владельцами усадеб. Так, *обычай гостеприимства*: «Характерной чертой усадебной жизни было гостеприимство. Как правило, посетители усадеб гостили несколько дней – знакомились с усадебными музеями и коллекциями, составляющими гордость владельцев, осматривали окрестности» [Кузьмин, 2011, с. 44] трансформируется и перерождается в организацию постоянных праздников и оргий. Аркадий Иванович рассказывает Анне про своего бывшего друга, Кладкина, не знавшего меры: «Именины, или там праздник, то водчонки, вина сколько твоей душе угодно. И наши же помещики так у него перепивались, что потом их на дорожках олёсовского парка находили, или под кустами с девками-мананками» [Зайцев, 1999, с. 381]. Аркадий Иванович повествует и про логичный финал такой жизни – проданное за долги имение, сознается в своей собственной схожести, в схожести многих помещиков с этим героем.

А. М. Любомудров отметил характерную черту Бориса Зайцева, которой он считает «плавность внутреннего духовного развития» [Любомудров, 2003, с. 50]. (О пути

духовного поиска писателя немало пишет и В. Т. Захарова [Захарова, 2014]). Повесть «Анна» могла казаться автору и не совсем своей, так как в ней писатель не вполне отразил линию, этапы духовного поиска героини. Это все произошло потому, что образ простой девушки-труженицы, потянувшейся к уже пожилому и фактически отжившему своё дворянину, вероятнее всего, возник для Зайцева вне характерного для писателя размышления о человеческом пути. Анна – сложная фигура, но мало изменяющаяся. Разумеется, писатель наделил свою героиню характерной для многих его персонажей особенностью – наличием своего микрокосма, «отрещенного от конкретного быта, от повседневья – как бы второго глубокого плана, возникающего в раздумьях наедине с собой» [Прокопов, 1999а, с. 20]. Однако для Анны не характерен путь нравственного и религиозного роста – его заменяет в романе трудничество и самопожертвование.

М. В. Скороходов склонен считать, что в повести «Анна» географические объекты, различные места объединяются воедино: «Мартыновка, Серебряное, Машистово с окрестными деревнями и полями воспринимаются как единое пространство, которое связывает то “сухой заморозок”, который “принес некое облегчение”, то белое “действие”, “которое называется метелью”, то сюжетные линии. Оби-

тателей усадеб и деревень связывают проселочные дороги и незаметные тропки. Это цельный мир, в котором все взаимосвязано: в Мартыновке выращивают свиней для продажи владельцам и гостям усадьбы в Серебряном, помещики из Серебряного приезжают в гости к Гайлисам на их хутор» [Скороходов, 2020b, с. 209]. Исследователь в данном случае приближается к еще одной возможной причине «неприятя» писателем своей повести. Дело в том, что автор, по всей видимости, стремился к большому обособлению усадебного дворянского мира с его культурой от всего остального уже советского общества. Однако получалось всё наоборот: Немешаевы просили у Гайлиса поросят и обещали их выкормить, при этом они сами нередко навещали с Гайлисам (и не брезговали обедами, ужинами и чаем). Обстановка небольшого домика Гайлисов, с засиженными мухами окнами, не отталкивает Немешаевых: Леночка искренне говорит, что к Гайлисам очень хорошо приезжать, чтобы покушать.

Заключение

По всей видимости, Зайцев хотел развести непохожие миры в повести: показать примитивность и забитость фермеров, вынужденных проводить всю жизнь бок о бок с животными, и по контрасту изобразить закат дворянской культуры, надежду на ее воскресение в боль-

шом времени. Однако у писателя это не вполне получилось: разные миры оказались соотносимыми и объединяемыми. Не сыграл решающего действия для противопоставления разных культурных сред и авторский вневременной взгляд. Е. А. Мельникова отмечает, что «авторское дистанцирование в прозе Зайцева выражается в функционировании не только категории лица (субъекта), но и категории времени: для прозы писателя характерна временная дистанция, взгляд на прошлое “со стороны”, с позиций настоящего или “вечности”» [Мельникова, 2013, с. 37]. В повести очень тонко и проникновенно изображен природный мир, причем два значительных пейзажа являются не столько земными, сколько *небесными*. Первый пейзаж автор показывает нам в момент следования Матвея Мартыныча и Марты на убой свиньи. Герои, разумеется, не видят божественного в природе, но символы и знаки видит автор: «Белый снег, нынче родившийся, принес с высот заоблачных такую свежесть, такое бесплотное и как бы отрешенное благоухание, будто иной, прохладный и несколько грустный в нетленности своей мир сошел на землю. Все выбоины, колеи и заостренелые неровности запушил он. Нога ступала мягко, и то, что еще вчера терзало ее, нынче было уже погребено» [Зайцев, 1999, с. 374]. В этом пейзаже сочетаются и жизнь, и смерть, показано вечное

обновление природы, происходящее по воле высших сил. Второй пейзаж могла бы увидеть во всем его великолепии Анна, но она его почти не заметила. Примечательно, что пейзаж этот связан с парком в Серебряном: в то, что парк и впрямь становится *серебряным*, автором закладывается особый смысл – парк этот как бы благословляется свыше быть таким, каким он был во времена дворянской усадебной культуры: «Парк Серебряного был сейчас очень серебрян, весь в инее, в тихом обворожении, густо и сонно заметены его аллеи. Где-то сквозь облака слегка сочится солнце. Не солнце, а бледный на него намек, добрый знак – не вполне мир осиротел. Но и от знака уж искрятся по полям и в тишине аллей парка удивительные алмазы, нежно и мелко переливаются» [Зайцев, 1999, с. 389–390].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что повесть «Анна» не случайно оказалась в некоторой нелюбви у самого автора. Причина такого отношения писателя к произведению заключается, как мы постарались показать, в том, что Зайцеву не удалось полностью развести и противопоставить различные культурные плоскости, не удалось вознести на желаемую высоту образцы дворянской культуры. Последняя, конечно, не оказалась развенчиваемой в повести, однако за счет изображения слабых и недеятельных героев-дворян и сильной

героини из другого стана писатель в разы усилил тему дворянского оскудения. Ю. И. Айхенвальд писал: «То что для остальных слитно, для Зайцева раздельно, и оттого мир, казалось бы исчерпанный, развернул перед ним новые непочатые области» [Айхенвальд]. Несмотря на тот факт, что сам писа-

тель прохладно относился к повести «Анна», это произведение стало одним из новаторских для него как в плане содержания, так и в плане композиции – в повести оказались совмещены разные точки зрения и взгляды на жизнь, благодаря чему она получилась максимально объемной и реалистичной.

Библиографический список

1. Адамович Г. Борис Зайцев. URL: http://az.lib.ru/z/zajcew_b_k/text_1955_boris_zaitzev.shtml. (Дата обращения: 26.07.2023).
2. Айхенвальд Ю. И. Борис Зайцев. URL: http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/text_0118.shtml. (Дата обращения: 26.07.2023).
3. Андреева В. Г. История дворянства в пореформенное время в книге С. Н. Терпигорева (С. Атавы) «Оскудение» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 3. С. 105–109.
4. Андреева В. Г. Образ усадьбы и родной земли в повестях и романах А. И. Эртеля // Новый филологический вестник. 2020. №1(52). С. 107–119.
5. Богданова О. А. «Незолотая старина»: опыт негативной рецепции «усадебной культуры» на рубеже XIX–XX вв. // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 3. С. 252–269.
6. Вилесова М. Л. Антропологическая функция пространства в малой прозе Б. К. Зайцева 1920-х / М. Л. Вилесова, М. А. Хатямова // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 53–62.
7. Захарова В. Т. Поэтика прозы Б. К. Зайцева. Нижний Новгород : Мининский университет, 2014. 166 с.
8. Зайцев Б. К. Полн. собр. соч. в 11 т. Т. 3. Москва : Русская книга, 1999. 578 с.
9. Кузьмин М. А. Русская усадебная культура и ее особенности в XXI веке // Вестник славянских культур. 2011. Т. 20, №2. С. 43–49.
10. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
11. Любомудров А. М. Их эпистолярного наследия Б. К. Зайцева (По материалам петербургских архивов) // Русская литература. 2001. № 3. С. 162–186.
12. Мельникова Е. А. Традиция и эксперимент в прозе Б. К. Зайцева // Русская речь. 2013. № 6. С. 33–38.
13. Пантелеев И. В. Становление христианского мировоззрения Б. К. Зайцева в имени Притыкино (1901–1922) // Формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 98–101.

14. Прокопов Т. Ф. Восторги и скорби поэта прозы. Борис Зайцев: веки судьбы // Зайцев Б. К. Полн. собр. соч. в 11 т. Т. 1. Москва : Русская книга, 1999а. С. 6–27.
15. Прокопов Т. Ф. «Все написанное мною лишь Россией и дышит...». Борис Зайцев в эмиграции // Зайцев Б. К. Полн. собр. соч. в 11 т. Т. 2. Москва : Русская книга, 1999б. С. 3–26.
16. Рассказова Л. В. Разгром дворянских усадеб (1917–1919): официальные документы и крестьянские практики // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 2(15). С. 44–49.
17. Селиверстова Н. М. Социокультурная роль дворянина в пространстве русской деревни накануне и в период реформ 60–70-х гг. XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-1(61). С. 171–175.
18. Скороходов М. В. Идеал усадьбы в жизни и творчестве Б. К. Зайцева // Русская словесность. 2020а. № 6. С. 52–58.
19. Скороходов М. В. Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е. В. Глухова. Москва : ИМЛИ РАН, 2020б. 272 с.
20. Сямина О. В. Русская революция 1917 года в судьбе дворянских «родовых гнезд» Самарского и Липецкого краев // Поволжский вестник науки. 2020. № 2(16). С. 31–40.
21. Rzhovsky Leonid, Donald S. Short. Boris Zaitsev at Eighty. Books Abroad 35, 1961, no. 4, pp. 328–329.
22. Struve, Gleb. Current Russian Literature: VII. Boris Zaitsev. The Slavonic and East European Review, 1939, vol. 17, no. 50, pp. 445–451.

Reference list

1. Adamovich G. Boris Zajcev = Boris Zaitsev. URL: http://az.lib.ru/z/zajcev_b_k/text_1955_boris_zaitsev.shtml. (Data obrashhenija: 26.07.2023).
2. Ajhenval'd Ju. I. Boris Zajcev = Boris Zaitsev. URL: http://az.lib.ru/a/ajhenvalxd_j_i/text_0118.shtml. (Data obrashhenija: 26.07.2023).
3. Andreeva V. G. Istorija dvorjanstva v poreformnoe vremja v knige S. N. Terpigoreva (S. Atavy) «Oskudenie» = The history of the nobility in the post-reform period in S. N. Terpigorev's (S. Atava's) book “The Impoverishment” // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2013. T. 19, № 3. S. 105–109.
4. Andreeva V. G. Obraz usad'by i rodnoj zemli v povestjah i romanah A. I. Jertelja = The image of the estate and native land in the novellas and novels of A. I. Ertel // Novyj filologicheskij vestnik. 2020. №1(52). S. 107–119.
5. Bogdanova O. A. «Nezolotaja starina»: opyt negativnoj recepcii «usad'benoj kul'tury» na rubezhe XIX–XX vv. = “Ungolden antiquity”: the experience of negative reception of “estate culture” at the turn of the XIX-XX centuries // Studia Litterarum. 2020. T. 5, № 3. S. 252–269.

6. Vilesova M. L. Antropologičeskaja funkcija prostranstva v maloju proze B. K. Zajceva 1920-h = Anthropological function of space in B. K. Zaitsev's minor prose of the 1920s / M. L. Vilesova, M. A. Hatjamova // Sibirskij filologičeskij zhurnal. 2016. № 1. S. 53–62.
7. Zaharova V. T. Pojetika prozy B. K. Zajceva = B. K. Zaitsev's prose poetics. Nizhnij Novgorod : Mininskij universitet, 2014. 166 s.
8. Zajcev B. K. Polnoe sobranie sochinenij = Full composition of writings : v 11 t. T. 3. Moskva : Russkaja kniga, 1999. 578 s.
9. Kuz'min M. A. Russkaja usadebnaja kul'tura i ee osobennosti v XXI veke = Russian estate culture and its specifics in the XXI century // Vestnik slavjanskij kul'tur. 2011. T. 20, №2. S. 43–49.
10. Ljubomudrov A. M. Duhovnyj realizm v literature russkogo zarubezh'ja: B. K. Zajcev, I. S. Shmelev = Spiritual realism in the literature of the Russian emigration: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2003. 272 s.
11. Ljubomudrov A. M. Ih jepistoljarnogo nasledija B. K. Zajceva (Po materialam peterburgskij arhivov) = From B. K. Zaitsev's epistolary heritage (based on St. Petersburg archives) // Russkaja literatura. 2001. № 3. S. 162–186.
12. Mel'nikova E. A. Tradicija i jeksperiment v proze B. K. Zajceva = Tradition and experiment in B.K. Zaitsev's prose // Russkaja rech'. 2013. № 6. S. 33–38.
13. Panteleev I. V. Stanovlenie hristianskogo mirovozzrenija B. K. Zajceva v ime-nii Pritykino (1901–1922) = The formation of B. K. Zaitsev's Christian worldview in Pritykino estate (1901-1922) // Formirovanie nacional'no-duhovnoj identičnosti v sovremennom sociokul'turnom prostranstve. Lipeck : Lipeckij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet imeni P. P. Cemenova-Tjan-Shanskogo, 2022. S. 98–101.
14. Prokopov T. F. Vostorgi i skorbi pojeta prozy. Boris Zajcev: vehi sud'by = The delights and sorrows of a prose poet. Boris Zaitsev: milestones of his fate // Zajcev B. K. Poln. sobr. soch. v 11 t. T. 1. Moskva : Russkaja kniga, 1999a. S. 6–27.
15. Prokopov T. F. «Vse napisannoe mnoju lish' Rossie i dyshit...». Boris Zajcev v jemigracii = “Only Russia all I have written breathes ...”. Boris Zaitsev in emigration // Zajcev B. K. Poln. sobr. soch. v 11 t. T. 2. Moskva : Russkaja kniga, 1999b. S. 3–26.
16. Rasskazova L. V. Razgrom dvorjanskij usadeb (1917–1919): oficial'nye dokumenty i krest'janskije praktiki = The destruction of the nobility estates (1917-1919): official documents and peasant practices // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 2010. № 2(15). S. 44–49.
17. Seliverstova N. M. Sociokul'turnaja rol' dvorjanina v prostranstve russkoj derevni nakanune i v period reform 60–70-h gg. XIX veka = The sociocultural role of the nobleman in the Russian village on the eve and during the reforms of the 60-70s of the XIX century // Istoricheskie, filosofskie, političeskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 11-1(61). S. 171–175.
18. Skorohodov M. V. Ideal usad'by v zhizni i tvorčestve B. K. Zajceva = The ideal estate in B. K. Zaitsev's life and work // Russkaja slovesnost'. 2020a. № 6. S. 52–58.
19. Skorohodov M. V. Pomeschhich'ja usad'ba v russkoj literature konca XIX – pervoj treti XX v.: mezhdisciplinarnyj podhod = The landowner's estate in Russian literature of the late 19th - first third of the 20th century: an interdisciplinary approach / otv. red. E. V. Gluhova. Moskva : IMLI RAN, 2020b. 272 s.

20. Sjamina O. V. Russkaja revoljucija 1917 goda v sud'be dvorjanskih «rodovyh gnezd» Samarskogo i Lipeckogo kraev = 1917 Russian revolution and the fate of the nobility “family nests” of the Samara and Lipetsk regions // Povolzhskij vestnik nauki. 2020. № 2(16). S. 31–40.

21. Rzhevsky Leonid, Donald S. Short. Boris Zaitsev at Eighty. Books Abroad 35, 1961, no. 4, pp. 328–329.

22. Struve, Gleb. Current Russian Literature: VII. Boris Zajtsev. The Slavonic and East European Review, 1939, vol. 17, no. 50, pp. 445–451.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 19.07.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted on 19.06.2023; approved after reviewing 19.07.2023; accepted for publication on 20.09.2023